

ДУША РЕАКЦИИ

Есть старая тема, что от чего зависит: общество от правительства или правительство от общества. Где гнездо реакции - там или тут? Где семена ее? Можно доказать, что семена сеет власть, но вражда всегда плодится в обществе - плодит и новые семена. И это надо, наконец, сознать, чтобы убивать змею в зародышах.

Когда Чаадаева постигла знаменитая изысканная кара - признание сумасшедшим по Высочайшему повелению, он добродушно говорил, что правительство по-своему право, и с горечью добавлял, что ужасна не унизительная мера правительства, а рукоплескания общества.

всякому государственному порядку соответствует своя литература и настроение общества, и связи между этим порядком и литературой, и настроением общества неуловимее, чем может казаться, потому что нетрудно сказать, что онегинство – следствие реакции, "лишние люди" - также; но настояще взаимоотношение еще этим не установлено. Еще стоит обратить внимание на "Юрия Милославского" или "Жизнь за царя" как на общественные припадки (признаки???) 30-ых годов после польской революции и польского восстания, но труднее привести в связь биение сердца всей поэзии, всего искусства, всей культуры, в колебаниях их ритма с потоком государственности.

Что реакция Александра II началась в зависимости от польского восстания или каракозовского выстрела - сказать легко и просто, но вдумчивое знание эпохи давно уже с этим спорит, указывая на органические признаки реакции в самом существе тогдашней власти. И этого мало, - а вдруг - там гнездо, а семена в нас? если да, то как на самом деле ужасны - рукоплесканья, веселья и танцы?

Где же гнездо и где семена? где душа реакции? В чем она - в натягиваемых и отпускаемых вожжах государственной власти или в тех, кто везет "тройку"?.. О, я вовсе не хочу этим сказать, что мы не можем, что от нас не зависит, как бы нас не брали под уздцы, как бы ни затягивали вожжи! Но опытные кучера не натягивают вожжей без надобности, но дают воли лошадям, а они сами везут "как надо". И вот здесь-то и ужас: когда вожжей и натягивать не нужно, и кнут давно валяется на дороге, а мы себе трусим бодрой рысью или с гордым раболепством везем тройку "куда надо".

Есть признаки реакции, ее души, - они были во все времена, всегда можно ощутить ее душу; они есть и теперь. Но мы склонны - забывать, веселиться и танцевать, и это - одно из ее условий. Польский мятеж 63 года породил страх власти, выстрел анархиста - обыски, аресты и ссылки. Что думало русской общественности? русская литература? Мы знаем, что думали Чернышевский и Писарев, и знаем, что они пострадали в числе многих. Но - при всех их заслугах - разве они в те времена таили в себе общественную глубину? Пора перестать понимать общественность так узко. Глубину таили в себе Толстой и Достоевский, так мало приобщившиеся к общественным действиям, но именно таившие в себе - семена, душу общества.

В столице шум, гремят витии,
Кипит словесная война, -
А там, во глубине России,
Там - вековая тишина...

В глубине же России и тогда, и теперь, и всегда - не только "народ", не знающий о культурных грозах, пашет мать-землю, но совершается и все тайные биения общественного сердца. Народ, пахавший землю, томился, слыша или не слыша далекие бури, витии вели словесную войну за всю всенародную участь, но в "вековой тишине" бились сердца и Толстого, и Достоевского. О чем они думали тогда? О чем? Оба - в своей угрюмой и жегшей их тоске - сомневались в смысле культуры, как двумя поколениями раньше Боратынский, в котором Белинский, не разгадавший совершенно великого поэта, угадал, однако, душу реакции, потому что в самом Белинском, что бы он ни говорил в разные времена, всегда безостановочно билось революционное сердце. Я не переоцениваю сейчас ценностей и вовсе не определяю общего значения Толстого и Достоевского в судьбе общественной России, - я беру только исторические минуты и определяю их ощущения. И в одну из таких самых призывных минут оба они - один из Швейцарии Руссо и Песталоцци, и в своей дедовской усадьбе, где он хотел не столько учить крестьян, сколько сам у них учиться, другой - повсюду - и в одинокой меблированной комнате, и в подполье, и в Париже - отрицали "идею прогресса", и оба в этом отрицании готовы были протянуть руку Герцену, томившемуся всю жизнь между народничеством и байронизмом. Где были тогда семена реакции? В правительстве или обществе? Что называется правительством, все слишком хорошо знают, но что называется обществом: Чернышевский и Писарев или Толстой и Достоевский?

Пусть этот пример неудачен - и в тогдашних отрицаниях культуры двух одиноких мыслителей заключались семена революции, еще более гневной, чем в мечтах двух популярных публицистов. В эти же годы любимым предметом литературных споров была вражда эстетических поэтов и гражданских и защитников их, с той и другой стороны. С одной стороны: "Шепот, робкое дыханье..." и "Розы Пестума, классические розы...", с другой - "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан" и "Муза мести и печали"; и "разрушение эстетики". Этот спор кажется теперь всем очень устаревшим. В самом "Русском Богатстве" отзываются о старом Фете и новых эстетах - очень покровительственно, социал-демократы - даже и сочувственно, а новые эстеты - уверяют, что они за революцию, и спешат свести дружбу с общественниками... Однако вовсе не склонный защищать гражданского утилитаризма в поэзии, и в этом споре не стал бы с чистым сердцем на сторону старых эстетов, потому что - пусть мера, которой мерили поэзию нигилисты, никуда не годилась, как не годится аршин для взвешивания, а литры для отмеривания материй, - но каким ограниченным, бледным, скованным был эстетизм Майкова и Фета тех лет! Нигилисты чувствовали в нем душу реакции

и были правы.

Позднейший эстетизм 90-х годов, хотя и примыкал к старому, но разлился пламенной и ничем не скованной рекой очень напряженного и культурного смысла, и только по старой памяти в нем могли вначале подозревать проснувшуюся душу реакции. Слияние символизма с революцией, совершившейся недавно, не было случайностью или властным воздействием времени. И народники, и социал-демократы, и либералы были правы, перестав бояться эстетизма, принять его, - но то было в эпоху бурного эстетизма, каким было декадентство и символизм.

Что же делается теперь?

Ведь 90-е годы – это уже прошлое поколение. Это – отцы. Людям 90-х годов все кажется, что новые люди еще не пришли, что они - последние. Нет, - уже пришли! И встреча отцов и детей, происходящая в наши дни, не похожа на прежние. Начиная с Кантемира, - через Грибоедова, Тургенева и 60-е годы, - мы привыкли верить, что отцы неизменно консервативны, а дети прогрессивны: Фамусовы и Чацкие, Кирсановы и Базаровы, Обломовка и Марк Волохов, - Гончаров уверял даже, что это чуть ли не закон природы. И вот - он нарушен! Отцы должны ощутить сейчас в воздухе "душу реакции", если у них нет глаз, и они не видят.

Как всегда, в детях виноваты отцы, хотя бы и без вины, но столкновение отцов с детьми сейчас тягостно для сознания отцов не тем, что дети куда-то лихорадочно рвутся, напротив, - отцам нечего волноваться за их стремительную неосмотрительность. Они никуда не рвутся. Отцы - в тоске и ужасе должны остановиться перед тем, что дети, если только они остаются жить на свете <нрзб.> забыли, веселятся и танцуют и, если ничему не рукоплещут, то потому, что им, вообще, ни до чего нет дела, кроме самих себя.

Лозунг последних дней - эстетизм, не только религиозного пафоса, как у символистов, но опять тот внутренне-бесстрастный эстетизм, который не различает между чувственностью и страстью и потому неизбежно впадает в голую чувственность, фатально служа ей, при этом все мельче и холоднее. Это - душа реакции, потому что здесь нет сжигающего пафоса, нет ни страсти, ни страдания, неразлучного с истинной страстью, а есть только жадная погоня за зреющим и наслажденьями сверху – не проникающими, не воспламеняющими.

В этом и разница между старым эстетизмом 40–60-х годов, тоже мало воспламененным - и новым: тот был невинен <нрзб.> - и новым был невинен уже одним тем, что был только созерцанием, оставаясь во всем бездейственным. Отличительной чертой теперешнего является его сухая жадность к жизни. Он не остается на месте, он – в непрерывном движении. Пляска едва ли не символ веры.

За границей русская культура блеснула в первый раз балетом, символисты помешались на Дункан, с этого года и дети, и не дети, - все танцуют по Далькрозу. Кажется, скоро вся Россия будет заниматься ритмической гимнастикой! Это вовсе не шутка, потому что в этом выразилась та победа эстетической культуры, которую звали в русское общество

декаденты и символисты. Вот и дозвались. Душа движения - волнующаяся и смятенная, кажется, улетела из их томлений духа вместе с улетевшей до времени революцией, - и осталась одна ритмическая гимнастика. Виноваты ли "отцы"? Если и виноваты, то не в том, в чем принялись упрекать их "дети", а совсем в другом - если и виноваты, а не родились под такой дурной звездой!

Ведь не в эстетизме здесь дело, - о, нет, совсем не в том: ведь "дети" не только танцуют, но и катаются на колесиках, и не только культивируют балет, но наводняют и кинематографы; не только читают "Аполлон", но и "Синий Журнал", и не возмущаются тем, что "Аполлон" - холоден, как лед, в своем безжизненном эстетизме: потому что, разумеется, хорошо, что не умирает и возрождается пляска, и хорошо, что русский балет очаровывает Париж и Лондон, что издаются художественные журналы, хотя бы и вялые, и публика и интересуется поэзией не только гражданской, и то, наконец, что лучший из современных журналов "Старые Годы", работающий на благо эстетической культуры и ее традиций, - самый популярный в публике, - худо и жутко то, что это танцует вялая душа реакции; что днем Далькроз, а вечером – скетингринг: одна рука перелистывает "Аполлон" или "Старые годы", а другая "Синий Журнал", что это, стало быть, не та победа, которую звали отцы, что все это биения холодных и бесчувственных сердец, сегодня только холодных и полудобретельных, а завтра - холодно-преступных!..

мы так легко смешиваем понятия и так боимся в то же время некоторых сопоставлений: но признаки реакции там, где ущерб веры, где охлаждение любви и вялость сердец, где нет надежд, где все кажетсяенным, достигнутым, где все довольны, всем кажется, что бегут туда, "куда надо"; где все оказалось ценным и ничего переоценивать больше не надо, и, где, если с чем-нибудь спорят, то лишь с самим принципом переоценки, т.е., страстного отрицания и страстного утверждения, единственно творящим! Может быть, это - отдых после немыслимых, не переживаемых впечатлений, как в Париже 48 года? Или это инстинкт сохранения нации, бессознательно призывающей уже внуков, с душой иной, снова волнующейся, мятежной и творящей? Тогда пусть танцуют! пусть пляшет и кривляется усталая "душа реакции"!